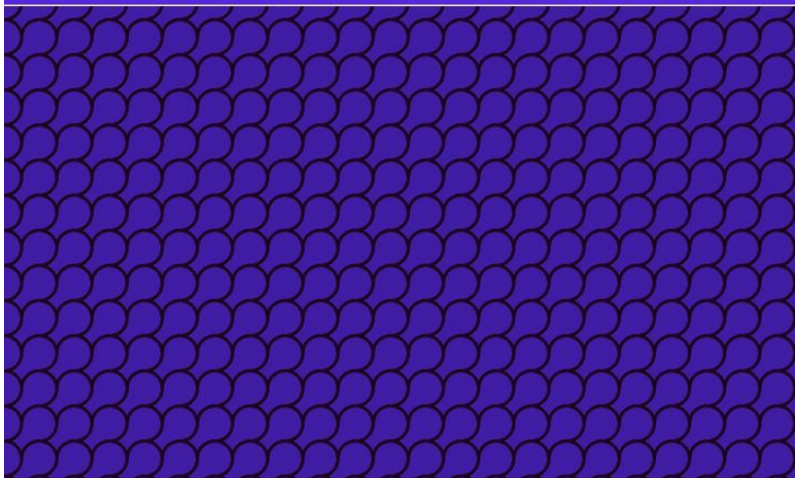

18+ Сергей Триумфов

Паутина любви

Рассказы

Сергей Триумфов

Паутина любви. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17071231

ISBN 9785447444532

Аннотация

В этой книге нет начала и нет конца. Она, как наши чувства, не имеет границ. Не стоит стараться прочитать ее всю сразу. Но когда вдруг вам станет одиноко, вы можете открыть ее на любой странице, и она сама поговорит с вами. Ведь хороший друг не находится всегда рядом, а приходит тогда, когда его ждут. Возможно, от откровенности рассказов этой книги вы по-другому посмотрите на события, которые с вами происходят. Умная грусть должна быть всегда оптимистична.

Содержание

Я верю в тебя	5
Последняя встреча	7
Девятый вал	13
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Паутина любви

Рассказы

Сергей Триумфов

© Сергей Триумфов, 2020

ISBN 978-5-4474-4453-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я верю в тебя

Я верю в тебя. Я верю в твои горячие слова, которые ты шепчешь, обнимая меня. Я верю твоим губам, твоим шагам, тем мыслям, которых у тебя еще нет. Я верю, что наша ночь никогда не кончится, я верю, что всё равно одинокий день не разорвет ночной бесконечности. Я верю в то, во что верить невозможно. Но невозможно другим, а я верю.

Я даже верю в то, в чем ты сомневаешься. Я верю в твое страшное молчание, когда твои глаза боятся сказать правду. Я знаю, что ты вернешься, потому что я верю. Соприкосновение обнаженных душ не может обмануть. Откровенность стала нашим паролем.

Я верю так же самозабвенно, как ребенок верит матери, как грешник верит в отпущение грехов, как больной верит каждому слову врача. Не верить тебе, значит, не любить тебя. Я верю, что всё бывает, но я точно знаю, что не может быть тебя без меня.

Нет ангелов среди нас. Я не верю в твою безгрешность. Но мне не нужно стерильного чуда. Пусть обо всем знают небесные чиновники. Они любить не могут, ведь любовь для них – самая главная ошибка природы. А я люблю тебя, и поэтому не могу не верить.

Я верю в себя, потому что просто люблю тебя. И если ты даже не выдохнешь свои сомнения, всё равно тебя не смогу раз-

любить, потому что люблю твои сомнения.

Ты можешь не верить всему, но только верь мне так, как я верую в тебя.

Последняя встреча

– Это наша последняя встреча, – сказала ты, пряча взгляд в пустоту многолюдной улицы и ища поддержку в собственной растерянности. – Я больше не могу врать и притворяться. Проще расстаться и всё забыть. Так будет лучше тебе и мне.

Я совсем не возражал, но был с тобой не согласен. Мне лучше без тебя не будет. Ты предлагала заменить себя какой-то другой будущей непонятной женщиной, но я не мог представить никого лучше тебя. Зачем нужен неэквивалентный обмен? Я не хотел, чтобы ты переживала. Но я понимал, что мучиться вдвоем сложно. А одному за двоих, наверное, будет проще.

– Я не хотел, чтобы наши редкие свидания стали для тебя пыткой, шагами на Голгофу. Для меня они были радостью, от которой и до которой я пока еще выживал. Но ты, наверное, права – крест должен нести кто-то один, а не бригада измученных изумленных муравьев.

– Ты должен меня понять, я измучилась так жить. Я вздрагиваю от каждого телефонного звонка. Я боюсь назвать его твоим именем. Я всё время должна притворяться.

У тебя не было сил идти, и ты повисла на моей руке. Ты не утверждала, а спрашивала, с надеждой заглядывая в мои глаза. Мне казалось, что я понимал всё, о чем ты говорила,

но не мог понять чего-то главного. Твои доводы были ясны и безупречны. Но я не мог ответить на два вопроса: зачем мы встретились, и как будем жить друг без друга дальше? Воспоминания всегда можно сложить в надежную шкатулку памяти и изредка доставать их оттуда и любоваться ими, но только не тогда, когда желания любить и чувствовать бурлят в тебе, не умещаясь ни в какие заповедные границы. Воспоминания – сухой остаток бывших переживаний. Слишком широко распахнулась дверь наших отношений и не хотела захлопываться ни перед нами, ни за нашими спинами. А я, оказалось, совсем не разбираюсь в дверных проблемах.

Ты ждала от меня поддержки, а у меня не было инструкции, как сделать так, чтобы никто не страдал. У меня есть паспорт и фамилия, но они всё равно не могут быть спасательным кругом. К сожалению, я родился голым, а умная инструкция или потерялась в роддоме, или зашифрована в пиктограмме родинок на моем теле. Всё равно нам от этого не легче.

И я наклонился и просто поцеловал тебя. Твои говорящие губы удивились, попытались втолкнуть в меня еще какие-то умные слова, но поняли, что бесполезно лить, когда уже через край. Они замолчали, но ненадолго. А потом, молча, спросили: «Это всё?»

Конечно, я не могу признаться, что у меня дрожали руки, но почему-то ключ никак не хотел слушаться моих пальцев. Мы раздевались судорожно. Приличия оказались за бор-

том. Мы срывали друг с друга то, что снимается в самую последнюю очередь.

Мы, и только мы, знали и ощущали, что не виделись целых восемь с половиной дней и сорок пять минут. Это гигантское расстояние времени. Его можно написать на бумаге, но осмыслить всего количества одиночества невозможно.

– Это должна быть наша последняя встреча, – сказала ты хриплым срывающимся голосом. – Ну, скажи.

– Давай снимем сначала пальто. Оно может измяться, – ответил я, хотя пальто уже было покрыто глубокомысленными и укоризненными морщинками: нормальные люди раздеваются не так. Правила приличия, оказывается, я знал лучше, чем инструкцию. Мы перестали быть нормальными с тех пор, как встретились.

– Тогда давай уж ляжем на кровать. Мы успеем до нее дойти?

– Сомневаюсь, потому что у нас раньше это почти не получалось.

Я всегда восхищался тобой потому, что ты умеешь задавать такие вопросы, на которые я не только сразу не отвечу, но никогда и не смогу найти ответа. Но меня всегда спасало то, что можно не отвечать, прикинувшись ниже уровня их понимания. А ты, как мудрый человек, не обижалась на меня и задавала их снова.

– Ты меня любишь? – прошептали твои губы, обдавая жаром мое ухо. Твоя рука, совершенно бессмысленно, то под-

нималась, то опускалась по моей груди. То ли она хотела стереть всё, что произошло, то ли пыталась впитать, вобрать в себя весь мощный неподвластный хаос восхищения тобой. Твое тело стало еще более соблазнительно податливым. Таким, что, когда я тебя обнимал, на нем оставались отпечатки моих рук, но и я сам любой прикоснувшейся частью погружался в него так, что начинал тонуть и не хотел, чтобы меня спасали.

В твоём теле существует четыре степени доверия. Когда я только пытался тебя соблазнить, тело говорило, что можешь смотреть, но я, как музейный экспонат, который трогать руками нельзя. Свои восхищения можешь записывать только в книге отзывов.

Когда ты уходишь, в нём появляется жестокая жёсткость. Средневековый рыцарь в металлических доспехах себя чувствовал гораздо комфортнее, чем ты в своём теле.

Когда я тебя обнимаю, тогда ты не чувствуешь своего тела, а я не могу им насытиться. Когда мне не хватает рук, глаз, губ, чтобы суметь понять невероятность события прикосновения, твоё тело становится родным, близким, трепет его не прячется под скафандром одежды, а хочет, чтобы его укротили мои руки, а потом снова мечтает о наступлении нового трепета.

Когда ты спишь, твоё тело не принадлежит ни тебе, ни мне. Я люблю его разглядывать и наслаждаться обнаженной его естественностью. Я разгадываю загадку узора родинок –

кто кому принадлежит: оно мне, или я ему; кто кому отдается: я тебе, или ты мне? В отсутствии границ, наверное, и заключена вся тайна близости человечества. А пограничные столбики мы сами втыкаем в целомудренную белизну еще не испорченных отношений

«Это наша последняя встреча, только давай не будем думать об этом. Обними меня».

Я всегда удивлялся своему безволию. И в этот раз я не смог тебе отказать. Я не только обнял тебя, но я еще прижался... А дальше ты не могла отказать. Партитура для пружин пожилой кровати была смята нашими телами. В комнате пело всё, что до сих пор молчало. Ты не прятала своих глаз, потому что они ничего не видели; ты не стеснялась своего тела, потому что оно принадлежало уже только мне; ты не боялась, что тебя кто-то услышит, а боялась, что могут не слышать мудрую вечность, ту звонкую перемычку, которая соединяет мужчину и женщину с космосом. Ты была безумна, ты была похотлива, ты была развратна и безудержна. Я тонул в твоём теле, а потом рождался через него снова. Я знал, что нашел ту женщину, с которой умереть невозможно.

Любить можно часто, но любить так, чтобы нельзя было расстаться, надо жить с этой женщиной без выходных, прогулов и отпусков. И это не должно стать обязанностью, а должно превратиться в естественную, как воздух, необходимость.

– Это наша последняя встреча. Только ничего не говори, – сказала ты, когда голос начал тебя слушаться. Внимательно

посмотрела на меня, зачем-то поцеловала меня и бархатным телом прижалась ко мне.

Мне не хотелось соглашаться. Мне хотелось тебя укусить. Больно.

– Ладно, пусть эта встреча не будет последней, – вдруг предложила ты. – Давай, следующая станет обязательно последней.

– Давай, – послушно и радостно промолчал я. У меня опять не хватило слов и желания возражать тебе.

Девятый вал

Любовь входит в тебя легко, естественно проникая в твои мысли, чувства, наполняя непривычной легкостью полета и желанием делиться со всеми необыкновенной глубокой радостью твоего существования. Но войдя легко, она быстро не отпускает, а, бывает, остается на всю жизнь.

Женщина – состоит из волн, так же как и море, которое может быть близким и безбрежным, которое может обнять тебя, а может и поглотить. Женщина – это волна синусоиды, американских горок, когда от восторга полета вверх, вдруг замирает сердце, а от падения в неизвестность оно оставляет твое тело. И женщина состоит из таких же волн; грудь, живот, бедра – это все девятый вал.

Что такое цифра 8? Это два соединенных 0. Две пустоты. Но положите восьмерку горизонтально – это уже бесконечность. Но восьмерка создана из четырех встретившихся волн. И женщина состоит из таких же восьмерок: ее фигура, ее грудь, живот, попа, ноги, – это те же набегающие, встречающиеся волны, появление которых непонятно, загадочно, но до дикой одури желанно.

Ты помнишь ту скамейку на берегу моря, где мы встретились? Ты любила смотреть на море, дышать свежим ветром, а я пытался отгадать загадку волн. Море штормило. Волна никогда не бывает одинакова, она неповторима, и на-

до ловить мгновение, чтобы запомнить ее, оставить в памяти,, а потом, может быть, все оставшуюся жизнь носить в себе ее волнующую красоту. Это же волна рождает волнение, которое окрашивает нашу жизнь неповторимо индивидуальными красками.

И тогда, когда я тебя встретил, ты вся состояла из множества притягивающих, обвораживающих волн. Они били по глазам не только великолепной фигурой, но они жили в уголках губ, в удивлении бровей, в движении рук. Такого волноразнообразия я не встречал ни у одной женщины. Я понял, что тону, что попал в плен той опрокинутой восьмерки, и из этой бесконечности мне не выбраться уже никогда. Я никак не мог понять, как в тебе одной могло совместиться решительность и сомнение, нежность и строгость: ты была близка и недостижима. Мне захотелось ущипнуть себя, чтобы понять, не во сне ли я. Хотелось тебя потрогать, чтобы убедиться – настоящая ли ты. Вроде бы ты была рядом, вроде бы я видел тебя и слушал твой голос, но с другой стороны, меня не оставляло ощущения нерациональности оксюморонной ситуации. Но все еще больше усложнилось, когда лавочка очень осторожно выползла из-под нас, дорога сама нас вела в маленькую южную квартиру. Там я понял, что даже не подозревал, с какой божественной красотой я столкнулся.

Серый пепел опустившегося вечера начал размывать не только очертания предметов, но и понимания реальности.

Помню взмах белых рук, их обруч. Они были легки, но требовательны. Они словно бы говорили за тебя: «Моя нерешительность совсем не означает моего нежелания. Если ты прижмешься, то услышишь, как бьется мое сердце. И тебе станет все сразу ясно, что не обязательно самое тайное надо говорить словами».

Ты убрала губы. Поэтому я поцеловал тебя в жасминовую белизну шеи. В тот самый лебединую изогнутость вопроса: как можно быть рядом с красотой и невозможно ее понять и никогда до конца насладиться ею. Любовь к женщине не может длиться одну ночь. Не может закончиться и через сто лет. Если она родилась, то будет существовать и после смерти бесконечно. Потому что тело любимой не имеет границ, и количество поцелуев должно быть безгранично. Ты поднимала и опускала голову, и снова и снова губы находили такие потайные места, от прикосновения к которым ты напрягалась, а потом просила: попробуй еще так же. Я спрятался под легким веером твоих волос, я спрятал сам от себя под ними, свое жгучее желание обладать тобой. Я нырнул в твое тело, а надо мною волновались волны твоих волос. И понял, что тону, но мне не хотелось обратно. Мне стремилась все дальше в глубину, потому что прежняя жизнь меня уже не интересовала. Я понял, что в ней осталось лишь настойчивое желание быть рядом с тобой: обнимать тебя, каждую минуту, видеть твой взгляд, дышать твоей кожей и ощущать каждой клеточкой организма присутствие тебя в моей

жизни. Наверху осталась пустота, а с тобой появилась глубина. Та самая глубина, ради которой рождается человек, ради которой не жалко отдать жизнь.

Так, наверно, соблазняли русалки, заблудившихся в своем одиночестве, моряков, сбрасывая их в противобход мчавшемуся кораблю. Но ты не была русалкой. Потому что мы из последних сил еще стояли на ногах. Руки твои, две белые пены набежавших волн безвольно легли на мои плечи, и я еле успел подхватить твое тело. Как-то жалобно вздохнула кровать, и морщинками нахмурилось одеяло. Никогда не думал, что на теле человека так много ненужной одежды, которая мешала губам, рукам и просто нашей кожи прижаться друг к другу так, чтобы не стало лишнего кусочка воздуха между нами.

Первым от оков одежды был освобожден твой живот. Живот женщины одно из самых сакральных мест. И мало, кто об этом знает. Там осталась воронка от связанной в узел пуповины. Животик не защищен решеткой ребер, поэтому полностью беззащитен и до крика наивно откровенен. Но в нем живет и из него рождается ребенок. Он тайный источник мужских страданий, желаний и наслаждений. Он не умеет скрывать свои желания в отличие от сердца, которое может контролировать свои желания под доспехами ребер. А то, что открыто и не защищено требует невесомой нежности. И конечно, я полностью провалился в твою воронку откровенности желания.

Я прикасался губами к белой с детской незащищенностью коже твоего живота и думал, что навеки заблужусь на этой чуткой к моим губам равнине. Но долина закончилась горамии. Два близнеца и два пика, вершин которых почти не видно. Для меня было бы забраться на вершину Джомолунгмы проще, чем покорить высоту твоих вершин. Я обходил их губами, я чертил ту самую восьмерочную бесконечность, и понимал, что мне никогда не взять такой высоты. Кожа на крутом изгибе, который переходил в животик была настолько тонка, что казалась прозрачной. И кончено, здесь я сорвался и опять попал в долину. Пришлось начинать с противоположной стороны. Там был более пологий подъем, но очень долгим. Но все-таки я добрался до гордо и независимо возвышающегося соска. Он был розовым и прозрачным. Такими, наверно, бывают горы, когда их освещает всходящее солнце. И твой сосок был похож на туманно-розовый сердолик. Он был строг и нежен, и пах твоей кожей, детским молоком и желанием. И, конечно, как всякому покорителю недосыгаемых высот мне не хватало воздуха, кружилась голова, но хотелось кричать всем сверху: «Я здесь на вершине. Разве может быть кто-нибудь счастливее меня». Я научился летать между двух вершин, они ждали прикосновение моих губ и, казалось, эти упругие бутоны вот-вот превратятся в прекрасные нежные розы.

Мне вдруг захотелось стать твоим маленьким ребенком, которому при первом же крике ты подсовывала бы или од-

ну, или другую грудь. Только оторвать меня от них было бы не возможно. И я целовал твои твердые от волнения соски и пил и пил твое желание и терял голову на вершинах двух самых высоких гор в мире. Эти вершины с глубоким внутренним вздохом поднимались, а потом резко опускались. И я падал вместе с ними, а потом снова взлетал на сумасшедшее небесную высоту. Так горы дышат перед извержением, когда лава уже через край, и сил ее удержать внутри себя больше нет.

И действительно в выдохе ты еле прошептала: «Я больше не могу», и твои руки, безвольно гладившие мою голову, вдруг с такой силой надавили на спину, что я оказался в тебе. Только что желание мое не могло найти выхода и упруго до синяков упиралось в твои ноги, настойчиво стучалось в не преступную твердость твоего лобка, но не находило дороги. Ворота на секунду распахнулись и тут же накрепко захлопнулись. Я оказался в сладком плену, в котором я был уверен, ждало меня какое —то сказочно-неземное блаженство. За воротами осталось земное блаженство, а здесь появилось неземное. Я замер. Действительно, здесь внутри над горами и долинами твоего желанного тела бурлила огненная лава страсти, беспощадная сила которая не знает слова «нет», которая может испарить реки и спалить леса и города, но и может поднять на такую высоту, где никто еще никогда не бывал. Там было все чудесно и непривычно. Я двигался медленно, стараясь не пропустить каждый миллиметр той

сказки, в которую я попал, стараясь запомнить новые ощущения на каждом миллиметре удивительного пути. Но запомнить и понять там, внутри тебя, было просто не возможно, потому что разум остался там, снаружи, а здесь в обжигающей пляске правило головокружительное сумасшествие. Я не смог дойти до конца, потому что конца просто не было, и вернулся назад, но ворота были накрепко закрыты. На второй раз прошел и быстрее и дальше, и с каждым разом величина покорения и скорость почему-то увеличивались.

Нельзя в одно время покорять подводные пространства и вершины. Но с тобой, оказывается, возможно невозможное. Я находился на вершине двух самых высоких и замечательных гор и мог наслаждаться самыми невероятными глубинами. Из твоих приоткрытых губ раздался глухой далекий стон, как будто он прорывался из самых потаенных глубин твоего тела. Оно изогнулось и по нему, словно дрожь, пробежала слабая волна. Да, та самая волна, которой может обладать только женщина.

Наши лица были так близки, что просто все расплывалось перед глазами. Ты поцеловала меня в губы, потом все сильнее и сильнее, а потом до конца не выпускала. Ты, словно, хотела в этом бесконечном и отчаянном поцелуе, предупредить меня, спрятаться от наступающей безысходности. Наверно, пыталась объяснить, но наши языки упирались друг в друга, они без нас о чем-то своем общались безумном танце.

Твои стоны становились все чаще и громче. Они проникали в меня, заполняли все, что было можно внутри меня, и на их звук откликалась каждая часть моего тела. Оно пело. И если сначала твои стоны были похожи на переливчато-малиновый звон, то с каждым выдохом они приближались к грозному набату. Если сначала они были редки и слабы, то постепенно они звучали громче и чаще. Ты словно руководила моим телом, потому что мои движения становились все быстрее, сильнее и безрассуднее. Приближался девятый вал.

Я потерял голову. Нет, я весь головой и телом был внутри тебя и вокруг больше ничего и никого не существовало. Какой сказочно-сладкий восторг находится в глубинах твоего тела, исследовать его, открывать самые потаенные места, терять сознание, а потом снова врываться, замедлить, отдышаться и снова потерять сознание от заоблачных ощущений. И каждый раз, придя в себя, опять я хотел нового, необычного, такого, чего я еще не испытывал. Твои ноги раскрывались шире, словно ты говорила: «Теперь я вся твоя». И мне хотелось узнать тебя всю, хотелось, чтобы я заполнил тебя всю, чтобы вся до последнего уголка принадлежала мне. Мои движения стали быстры и лихорадочны. Я должен, должен добраться до самых дальних потаенных мест. Я просто несся к непонятной, но заветной цели. Твои сначала отдельные стоны перешли в один сплошной крик. Твоя грудь испуганно металась, словно хотела убежать и спрятаться куда-нибудь от такого напора. Одеяло и подушки бесследно исчезли.

Мое желание, которым ты сумела меня наполнить, и которое уже переполнило меня до краев, оно вырвалось густым мощным потоком, заполняя тебя всю, смывая все преграды на пути. Оно заполнило все низины, потом добралось до вершин гор. И мы увидели, как напряглись и набухли твои соски, и из них вдруг острыми струйкам поднялись вверх фонтанчики моего желания. А я не мог остановиться. Мое желание, которое сотворила ты, должно все без остатка принадлежать тебе. Я продолжал свои бешенные движения. Я с такой силой входил в тебя, что приходилось удерживать тебя за плечи. Ты продолжала кричать, хотя твой голос охрип.

Каждый раз, когда доходил до конца, до самых тайных сокровищ твоего живота, желание, которое у меня никак не заканчивался, ураганным потоком врвалось в тебя. Вдруг твое тело замерло и обмякло. Так бывает в природе минута тишины перед страшной бурей. Сначала раздался крик. Крик необузданный и дикий. В нем была радость и первозданность. Так кричат женщины три раза в своей жизни: когда рождаются, когда рожают и когда... невозможно удержать в себе желание, которое ей подарил мужчина. Этот крик не подчиняется правилам приличия, он не подчиняется самой женщине. От него лопаются барабанные перепонки, рвутся голосовые связки, он разносится далеко вокруг и улетает бесконечную космическую даль.

Твое тело вздрогнуло и тут же заметалось по кровати. Оно вырвалось из моих рук и танцевало безудержный первобыт-

ный танец. Твои бедра, живот трясло, как под электрическим током, тело извивалось какой змеиной гибкостью, руки хватали то простыню, то воздух, словно пытались найти какую-то опору, которая бы помогла выжить. Ты плакала и смеялась, стонала, визжала и кричала, словно потеряла рассудок. Тебя уже не было здесь. Ты уже улетела. Но я в последний момент, успел отдать последний поток нашего желания. Такого блаженства я не испытывал. Сначала застонал, зарычал, а потом закричал сам и потерял сознание.

Мы летели, крепко прижавшись, целовались и продолжали любить друг друга. Мы не могли разжать рук и превратились в одно живое небесное тело. Может быть, астрономы с земли через мощные телескопы обнаружили новое космическое тело, пытаясь вычислить странную траекторию его полета, но это были наши тела. Они не знали, что наше движение не подчинялось строгим и суровым законам математики и астрономии. Потому что у нас был свой закон быть рядом и любить друг друга. А разве кто-нибудь сумел человеческие переживания засунуть в сухую формулу чисел. Поэтому наш полет был свободен от всего, кроме желания принадлежать друг другу.

Как же наверху чудесно! Там нет ничего дурного: настроения, поступков, мыслей. Там присутствует только любовь. И состояние непомерного счастья не выпускает из своих объятий. Хочется петь, танцевать кричать и делиться со всеми

переполняющим и не уместающимся внутри чувством радости. Все равно, что стоять под цветущими вишнями, вбирать в себя дурманящий запах меда, подставлять лицо под снегопад невесомых лепестков и ощущать свое прикосновение к недостижимой вечности.

Мы видели, как по земле серебристыми змейками скользят реки, бархатные темно-зеленые спины лесов, желто-белесые, словно застиранные, пятна пустынь, небесную голубизну океанов. Смотрели на робкие весенние дожди и радостный первый снег. Мы с головой ныряли в белоснежную пену облаков и катали по черной скатерти неба колобок луны. Иногда, не удержавшись, отламывали от него кусочки, а на земле наивно считали, что видят стареющую или растущую луну. Серпом месяца я косил звездопады, собирал лучистые звезды, делал из них светящуюся корону и надевал на тебя. И ты становилась царицей неба, звезд, космоса. Да, ты была для меня самой главной женщиной в мире, потому что я любил тебя.

– Давай немножко отдохнем, – сказала ты. – Я устала.

Мы разжали руки и очутились в квартире. Вещи добросовестно соблюдали верность тем местам, на которых их оставили: одеяло белой лужей расплылось по полу, в углах большими лягушками притаились подушки, гармошка простыни спустила край с кровати и водопадом стекала прямо на пол.

– Ну вот, мы и дома, – сказала ты. Но посмотрев на меня,

воскликнула, – Так ты же совсем седой. И морщинки у тебя появились. Так я, наверно, тоже совсем седая. У тебя есть зеркало?

Да, действительно, была седая. И нее на лице были морщинки. У меня было такое впечатление, что мы прожили незаметно с ней целую жизнь.

– Ты моложе и красивее всех, – ответил я. – И зеркало тебе совсем не нужно. Если не веришь, то можешь посмотреть в мои глаза. И там увидишь всю правду.

– Нет, я смотреть не буду. А то вдруг я влюблюсь в тебя, – испугалась ты. – Я знаю, какими глупостями заканчиваются невинные шалости. Все вы, мужчины, хитрые и одинаковые.

– Тогда закрой свои, – попросил я ее.

Я совсем забыл, что не успел поцеловать ее ноги. Они были стройны, красивы и бесконечны. Точно так же сходящиеся рельсы превращаются в серебристую стрелу, которая летит за горизонт в манящую бесконечность. И если добежать до того места, где она отрывается от земли, то тебе откроется самая главная тайна твоей жизни. Я пустился в долгий путь, медленно целуя то одну ногу, то другую. В них не было ничего лишнего. Даже изгибы в пяток, коленок и бедер той самой женской волной притягивали и соблазняли. Кожа с внутренней стороны бедер была настолько нежна, что я видел под ней синие сходящиеся и расходящиеся ручейки, слышал, как по ним все быстрее и громче движутся разгорающиеся потоки. Я боялся прикоснуться к ним губами, опасаясь, что могу

тебе сделать больно. Поэтому я целовал их своим дыханием, медленно продвигаясь все дальше и дальше. Рельсы за моей головой вздрогнули, приподнялись и согнулись. Я понял, что оказался на краю, в том самом месте, где начинается познание тайны. Осталось совсем немного, и я ее разгадаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.